

Цзиньли босыми ногами сбросила шелковое одеяло. В её голосе сквозило равнодушие:

— Денег не считают разве что купцы, да только они всегда ценили золото, а не верность... Кому из них нужна увядающая обительница веселых кварталов? Для них нет ничего милее юных, едва вошедших в пору зрелости девчонок — чистых, как капли росы.

Она сделала паузу, горько вздохнув:

— Рано или поздно мне придется уйти из Башни Весенней реки. Сначала в заведение попроще, а потом — прямиком в дешевые тайные притоны... И под конец, если не заколотят в гроб, а хотя бы завернут в соломенную циновку да заруют по-человечески, не бросив на растерзание шакалам и диким лисам, — это уже можно будет назвать милостью небес.

Сы Вэй промолчал. Теперь он яснее понимал положение Цзиньли. Пока она оставалась первой красавицей Башни Весенней реки и приносила заведению баснословную прибыль, хозяева ни за что не отпустили бы её задешево. Даже если бы нашелся щедрый покровитель, готовый выкупить её из рабства, за неё запросили бы неподъемную цену. Но стоило молодой поросли потеснить её с пьедестала, как былая слава померкла бы, а цена выкупа упала. В такой момент обрести свободу было бы величайшей удачей. Вот только в этих краях, где царили вечные притворство и фальшь, о какой преданности могла идти речь?

— Мужчины ведь соперничают друг с другом вовсе не из-за женщин, — горько усмехнулась Цзиньли. В её тонких пальцах заплесало пламя огнива, когда она принялась заново разжигать угли в медной жаровне. — Они борются за собственное имя, за престиж, за сладкую возможность растоптать чужую гордость. В холодной глубине её глаз отразился яркий огонек вспыхнувшего трута. — Им нужно лишь одно: тешить тщеславие тем, что единственная и неповторимая звезда заведения заискивает перед ними и ловит каждый их вздох. А сама женщина для них — лишь дорогая безделушка, подчеркивающая их статус.

Она отложила огниво и устало прикрыла глаза:

— Для них важна слава первой красавицы, а не увядающий цветок, который скоро затеряется среди сотен таких же безликих бедняжек. Первые пару лет я этого не понимала, всё лелеяла глупые надежды. Но со временем насмотрелась на чужие судьбы — и сердце моё остыло. Так что на этот банкет в канун Нового года у меня нет особых планов, — усмехнулась она, со звоном бросив щипцы на медный поднос и накрывая узорчатую жаровню крышкой. — Станцюю что-нибудь, сыграю на лютне — лишь бы отвязались.

Накинув пушистую накидку из кроличьего меха, Цзиньли лениво опустилась на изящную кушетку. Сы Вэй посмотрел на неё, полускрытую мехом, с опущенными ресницами, погруженную в свои думы, и тихо вздохнул:

— И всё же вы не хотите мириться с такой долей, госпожа.

Она щелкнула по длинному ногтю и снова невесело рассмеялась:

— А кто из нас не так живет? Все мы вечно бунтуем в душе, но покорно склоняем голову перед судьбой и просто тянем свою лямку.

Сы Вэй снова промолчал. Он аккуратно прибрал её постель на полу, сложил белье на стоящее в углу кресло из розового дерева и присел на корточки возле кушетки. Оперевшись локтями о резной край, он заглянул ей в лицо:

— Я хочу увидеть ваш танец. Или услышать песню, которую вы готовите к празднику.

Цзиньли полулежала на кушетке, утопая в пышных шелковых подушках. Сверху вниз она окинула взглядом мальчишку. Сы Вэй смотрел на неё снизу вверх, и в его темных, чистых глазах, упрямых и непривычно серьезных, отражался только её силуэт. На мгновение красавица опешила. Спустя секунду она мягко коснулась кончиком пальца его лба, слегка отодвигая его от себя:

— Ладно уж, смотри, если так хочется. Только не гляди на меня так... Чистый котенок, вымокший под дождем, жалость берет.

Вздохнув, Цзиньли поднялась с кушетки, плотнее запахивая меховое одеяние, и крикнула вниз, в пролет лестницы:

— Цинлу! Неси мою пипу.

Снизу донесся звонкий отклик, и вскоре послышался частый перестук шагов — Цинлу, придерживая подол платья и бережно прижимая к груди лютню, поднялась на третий этаж.

Просторный третий этаж Павильона Туманов служил Цзиньли местом для репетиций. Обстановка здесь была скудной: вся мебель стояла у стен, освобождая середину зала. Летом, когда окна распахивали настежь, сквозняки свободно гуляли по комнате, заставляя тончайшие шелковые занавеси вздыматься причудливыми волнами, похожими на легкую дымку.

Цинлу устроилась в углу на круглом расшитом пуфе. Устроив инструмент на коленях, она выжидательно посмотрела на хозяйку, которая уже стояла босиком в самом центре зала.

Сбросив кроличью накидку на кушетку, Цзиньли неувлимым движением извлекла откуда-то веер с длинным шелковым шлейфом. Он изящно скользнул между её пальцев, взмыл вверх и вновь опустился в ладонь. Шелк мягкой волной лег на её плечо, напоминая изгиб лопаты для погребения цветов. Цзиньли повернула голову, скользнула взглядом по комнате — и в то же мгновение преобразилась, словно перед Сы Вэем предстал совсем другой человек.

Раздался первый аккорд — пальцы Цинлу пробежали по струнам пипы, исторгнув чистый,

журчащий поток звуков, ласкающий слух.

Цзиньли взмахнула рукой, и веер мгновенно раскрылся. Она поднялась на цыпочки, плавно прогнулась в спине, ушла в глубокий прогиб и закружилась в вихре движений. Длинный мягкий шелк взвился в воздух, точно бесконечная полупрозрачная лента. Каждое движение — шаг, поворот, наклон головы — было выверено до миллиметра. Широкий подол платья взлетал колоколом, длинные рукава колыхались послушным эхом. Вздохи шелка вторили изгибам её тела, рождая ощущение благородной округлости и плавности, в которой нежная грация сочетается с упругой силой. Это походило на то, как капля туши медленно растворяется в прозрачной воде, сплетаясь в причудливые узоры.

Музыка то взмывала ввысь, то затихала, ведя за собой танец. Сила и легкость, стремительность и томление слились воедино. Перед глазами Сы Вэя разворачивалось завораживающее зрелище, дышащее безупречной гармонией: свободное, но не распущенное; стремительное, но лишенное суеты; упругое и в то же время невероятно хрупкое.

Кружась в очередном пируэте, Цзиньли взмыла вверх, её лицо на миг показалось из-за узорчатого веера. Куда-то исчезла привычная сонливость и лень — она без остатка растворилась в стихии танца, став его бьющимся сердцем.

Мальчик застыл, не в силах вымолвить ни слова. Это было торжество чистой красоты. Но за внешней легкостью и изяществом крылась горькая, щемящая тоска, надменное одиночество увядающей души. словно запоздалая зимняя бабочка, зачем-то опустившаяся на ледяные лепестки белой сливы, чтобы безмолвно замерзнуть в мертвящем холоде снегов. Пыльца с её крыльев смешается с инеем, бесследно пропав для мира, а когда весеннее солнце растопит сугробы и облетят последние цветы — не останется даже памяти.

В хореографии Сы Вэй не смыслил ничего, но когда дело касалось созерцания и понимания красоты, равных ему не было.

Мелодия потекла к завершению, движения шелковой ленты замедлились. Под последний затихающий аккорд Цзиньли опустилась на пол, полуопустив веер, и устремила взгляд на замершего на пуфике Сы Вэя. Спустя мгновение она медленно моргнула — и магия рассеялась, уступив место прежней скупающей небрежности.

С сухим шелестом к ногам мальчика скользнула белая лента. Сы Вэй вздрогнул, когда ему на колени лег мягкий струящийся шелк. Цзиньли ловко сложила веер — теперь он выглядел совсем обычным, и трудно было поверить, что секунду назад этот кусок ткани парил в воздухе, подобно каллиграфическому росчерку тушью.

— Ну вот, как-то так, — ровным, без тени одышки голосом произнесла Цзиньли. Она небрежно поправила растрепавшиеся волосы и вновь укуталась в пушистый мех. — Цинлу, завтрак из кухни принесла?

Цинлу осторожно опустила пипу на столик и кивнула:

— Всё готово, госпожа. Томится внизу на жаровне. Приказать подавать?

— Не нужно, — Цзиньли поправила подушку на кушетке. — Ешьте сами, мне только чашку бульона оставьте. Посплю еще немного, к полудню разбудишь.

Цинлу нерешительно замялась и легонько толкнула Сы Вэя локтем в бок, безмолвно прося его уговорить упрямыцу поест.

Мальчик перевел взгляд на служанку, умоляюще смотревшую на него, но вместо уговоров спросил другое:

— Сестрица Цинлу, а ты успела купить то, о чем я просил вчера вечером?

Цинлу смешно надула щеки и сердито зыркнула на него, хотя в её голосе не было настоящей злости:

— Какое там! Госпожа вчера легла рано, я думала, она и проснется спозаранку, вот и побежала за едой... Хотела сперва накормить её, а уж потом заняться твоими поручениями.

— Тогда принеси завтрак сюда, — предложил Сы Вэй.

Цинлу нахмурилась, но спорить не стала и послушно заторопилась вниз по деревянным ступеням.

Сы Вэй перетащил свой соломенный пуфик поближе к кушетке и уселся рядом.

— И вам совсем не интересно, госпожа, что именно я попросил купить сестрицу Цинлу? Всё-таки трачу я ваши деньги. А вы сами говорили, что монету нужно беречь, мало ли как жизнь повернется...

В тишине третьего этажа монотонный голосок Сы Вэя звучал усыпляюще. Поняв, что этот упрямец не замолчит, пока не добьется ответа, Цзиньли неохотно приоткрыла один глаз:

— Зачем спрашивать? Румяна в брусках и на нитях стоят копейки, разве что затирка чуть дороже. Из всего твоего списка по-настоящему ценен только пчелиный воск.

Сы Вэй на миг опешил, а затем невольно улыбнулся:

— Так вы, оказывается, вчера не спали?

Цзиньли смерила его долгим взглядом:

— Танец ты посмотрел, лютню послушал, серебро моё пристроил. Ну и? Придумал, как вернуть мне былую славу?

Сы Вэй посерьезнел. Вглядываясь в её красивое лицо, он негромко произнес:

— Буду честен, госпожа. Ваш танец безупречен, но для банкета в канун Нового года он не годится. Во-первых, он навевает тоску, что в праздник совсем не к месту. А во-вторых... он слишком тонок для толпы. Простые люди его не поймут.

Цзиньли удивленно приподняла брови. Протянув руку, она игриво коснулась пальцем его подбородка:

— Надо же. Теперь я и впрямь верю, что ты не из простых крестьян.

Неловко качнувшись назад, Сы Вэй уклонился от её прикосновения. В его глазах мелькнуло любопытство:

— Этот танец... Вас ведь не в Башне Весенней реки ему обучили?

Цзиньли тихо усмехнулась и откинула голову на подушки. То, что мальчишка так легко разглядел скрытую суть её искусства, явно польстило её самолюбию. Настроение красавицы улучшилось, и она решила снизойти до разговора:

— Ты ведь знаешь о столице?

Сы Вэй кивнул. Пускай он смутно представлял, где находится главный город империи, само это слово было ему прекрасно знакомо.

— А слышал ли ты о великой опале и казнях в двадцать первый год правления Цзиншэна?

Лицо Сы Вэя выразило полнейшее недоумение. Откуда девятилетнему мальчишке, выросшему с госпожой Ю в глухой деревне Линьвань, знать о столичных тайнах? Тем более о событиях, которые разыгрались за много лет до его рождения, в закрытом от простолюдинов мире дворцовых интриг.